

Артем Веселый

Не будет преувеличением, если мы присоединим к числу выдающихся молодых художников слова, **вышедших из низов**, молодого рассказчика Артема Веселого. Его произведения за два-три последних года вполне заслуженно пользуются симпатиями и читателя и критики. В его последнем произведении, романе «Страна Родная», отрывок из которого мы даем в данном номере журнала, показано наиболее образцовое тонкое знание мужичьего быта и непревзойденное (разве только у Глеба Успенского найдется такая сила изобразительности деревни и красоты в описании людей и нравов) отображение подлинной крестьянской речи с ее чуждостью и меткостью. Сила и особенность Артема Веселого заключается в том, что он любит и умеет показать **стихийное** проявление **выдающейся человеческой воли**. У него нет героев одиночек и типов, пассивных или раздумывающих, копошащихся в собственном соку. У Артема всегда описываются целые группы, ожившие, активно действующие: матросы, партизаны, рабочие и крестьяне. Эти группы бурно проявляют себя, кипят, побеждают или гибнут. И оттого все заглавия произведений Артема Веселого носят соответствующие яркие, кипучие заглавия: «Реки отчаяния» (где описывается бесшабашная матросня), «Вольница», «Данное сердце», «Горькая кровь» (с описанием партизанщины) и, наконец, «Страна Родная», где на большом полотне показаны события 1918-19 гг. в одном уездном городке и особенно вокруг этого городка в крестьянской гуще.

Роман «Страна Родная», по нашему мнению, самое яркое, самое лучшее произведение молодого писателя, потому что в нем больше всего и правдивее, чем у других писателей, показана **стильная сила мужика**, глубже вывернута наизнанку вся «мужичья гуща».

Вот как он описывает, например, деревню в романе «Страна Родная».

... Дремало Урайкино в сонной одуре, в густе мыка коровьего, в ступорных криках. Избы по-черному, прятки-жужжалки, лучинники, кипеть, хлябь, пестрядина. Редкая изба ржаному дыму дыла дыла.— все больше на картошке. Ребятишки золотушники, задрыгав лачками писком.

Земля—мерзляк, песок, глина, мочажина. Лошаденки висолоуны, выжженные, как мыши. Сохи дедовы. Работали мужики в теплые дни по великому обещанью, а то все дома валялись, в ожидании осокля, чадил едучим куревом, табунами шлялись из избы в избы, разговоры разговаривали неприподъемные, угарные, как дыма дыла. Чугунку (чугунка—вроде самогона) урайкины варили.— прожарил все царства и республики, такой не обидишь. Коптели концы этой самой чугунки и не отличишь запаха от запаха родной. По праздникам одевали мужики цветные, разноцветные рубашки, после обеда люто напивались и дрались, мерзая шкура разрывал друг на друга рубашки, а потом все по-прежнему над жидкую руку и баб колотили, свято чтя посылку «бани для греховных коней». В долги, как иродовы веки, вспоминали ночь бабы терпеливо ублажали мужей; всакивали по воде и до потолка встали по дому, и в степь, и в лес—всякую работу чужаки делали гурьбу, калитые бабы бурестой, стили дыла.

В зимние дни выжженные, лязгом подпоясанное плутало бревно в дылу да болтал, трясил его дожди, качали ветра...»

Но вот—картинка о продрозверстке:

«Сгибли все сроки, отмеренные Ванякиным (райпродкомиссар, прозванный «бешеным комиссаром»)... доброго не виделось. В хлебе отказывали не отказывали и давать не торопились. Деревни оглядывались одна на другую и с надеждой посматривали на февральское солнце, которое день от дня наливалось жаром, грозило размыть снега и распустить дороги.

По ночам село тревожно гудело:

— Хле-е-б... Хле-б...

Кто скакал целые воза перепрятывать, а кто засыпал в квашню последнюю затевку, пока не отняли. Шатались улицей, сбивались в кучи:

— Начисто гребут.

— Без милости.

— Скажи ты, под метелку, до скретинки.

— Анбары охолостят, по дворам пойдут.

— Как хочешь, так и клохчешь.

— Припасли, наработали.

— Мы, гыт, голодны.

— Дармоеды, сукины дети.

— Ни тебе рта разинуть, ни тебе шага шагнуть.

— Это не жизнь, а одна болезнь.

— Так и так,—подыхать.

— Да, она, слобода-то, кому мед, а кому—в рот.

Село было похоже на муравейник, в который сунули горячую головешку.

На воротах, где жил Ванякин, повесили удавленную на мочалке курицу, в клюве курица держала записку: «Не суди меня, бешеный комиссар, удавилась я по причине аграмадной яичной разверстки».

Но вот еще кулак, упрятывающий хлеб, раз'ясняет снохе, как лучше спрятать, чтоб сохранный было:

«Сноха ровно котят таскала из чулана пятиришные мешки. Сам укладывал их в кованный возок, застилал соломой, рассказывал, куда везти.

— Минуешь Дубовый ерик и счас тебе горелый осокрь, где Савку Микитина позапрошлый год убили. Направо будет дорога и налево—дорога, так ты ни по одной не езд, норови в развилку попасть, забирай огорком, огорком...

— Сакулиной гривой, ай как?

— Во, во. Гляди в дол не спускайся, жеребенка утопишь, мятика... Гривой упорешь сотельника два, тут тебе Лебязье, Жукова пожня, тальник, гуга—само недоступно место. В ямину перва соломы погуще натруси, а сверху снежком запуши. Мешки ставь на попа, плотнее... Пожню-то Жукова помнишь? Тут тебе лывина, буерак, гуга...

— Помню, батюшка...

— Место заприметь, холера. Лошадь не упусти... Ну, с богом... Вожжи-то держи, дурье гнездо.

Мерзло взвизгнули полозья, и каурый меринок умчал молодайку, с носом закутанную в тулуп. Старик запер ворота, отлил, поплевал на пальцы и недовольно крикнул:

— Своему дерьму не хозяин... Слобода...

И вот, наконец, картина деревенской масленицы, которая по художественному мастерству и правдивому отображению деревни, по нашему мнению, остается непревзойденной:

«Хари, рожи, лица молодые, мордашки пылающие, нахлыстанные ветром, огневые, смешливые, бесшабашные, хохочущие, гульные, разливом... Залепленные, комьями навоза и снегом бороды, шапки на затылках, ветер в чупрынках.

Челеном по улице бабьи платки, полушалки небесного цвету, огненные, всяки. Поддевки, полушубки, поддевайчики, полупердени. Тройки, пары, запряжки, возки, розвальни. Наряженные мужики на-распашку, цветные рубашки в глазах мечутся. Напоенные до пьяна девки раскалываются припевками, а гармонь торопливо шьет:

Ты-на-на, ты-на-на, ты-на-на...

За день солнышко сосульки обсосало, к вечеру захрулило, подсохли лужи, загребели недреватые сугробы, день уполз, волоча пылающий хвост заката, выкатились звезды по кулаку.

И весельба уползла в избы.

...В печке пожар...

От хозяйки блинный дух, блины допекает лебедка. Рожа, как солнышко красное, в масло макнутое.

Угар. Чад. Треск. Шип. Стук.

В просторной, чистой половине гостебище, половодье, солом, ярманка, гвалт несусветный.

— Пей, сватушка, пей.

— Ван Ваныч...

— Ы-ык... Я-е...

— Опять и обмолот—зарез.

— Дарья, тюк квашня...

— Ы-ык, то то...

— Врут...

— Ай, в них душа, а в нас ветер?

— Отрыгнется мужичий хлеб!

— Отрыгнется!

— Ах, куманек!—Чмок. Ван Ваныч горько сморщился, махнул рукавом новой гремучей рубахи.

— И мы с них надерем лыка на лапти.

— Аахм.

— Терпежу нашего нет!

— Кищав, не корячься!

— Передохнут кои, на всех и земля не родит.

— Тятка, думать забудь...

— Зна... Хо-хо... Баяно-говорено...

— Поштенье тебе, как стоптанному лаптю!

На столе блинов копна. Щербы блюдо с лоханку. Рыбы—куча, без порток не перепрыгнешь. Пирожки по лаптю. Курники по решету. Ватрушки по колесу. Пшенички, лапшенники в масле тонут. Сметаной и медом залейся. Пар в потолок. А самогону самые пустяки, высосали.

— Сухо...

— Не пеки мою кровь.

— Га-хо-хо.

— Хозяин, сухо.

— Дом у не, как вокзал, на все стороны окошки.

— Так и так говорю...—машина, грю, твоя, земля—моя!..

— Растуды иху, суды иху...

— Сынок, не в жись...

— Брала мы Кеев город, эх...

Над столом рожи жующие, плюющие, распаренные, лоснящиеся, осовелые. Бурлаками ворочают туда, сюда. Растрепанные, спутанные волосы, рыбы кости, соленая капуста и лапша в бородах. Разговоров—на воз не покладешь, на паре не увезешь.

— Гуляй, Матвей, не жалей лаптей.

— Аахм, мать пресвятая богородица.

— Нашел—молчи, потерял—молчи!..»

Из приведенных отрывков вполне очевидно, какой огромный силы, мощности дарованием обладает Артем Веселый. Он нам чрезвычайно дорог. Он вышел из подлинных низов крестьянских, рос с телятами, как и большинство из выдвинувшихся сейчас «на свет божий», талантливых рабочих и крестьян. Артем Веселый самородок, выкопанный революцией из недр рабоче-крестьянских масс.

Алек. Завалишин.